

| **ПОЭЗИЯ**
литературная премия

номинация
ПОЭТИЧЕСКИЙ
перевод

Для корректного перехода по ссылкам скопируйте текст ссылки (иногда с переносом на другую строку) и вставьте её в окно браузера. Автоматически некоторые ссылки могут не открываться — это зависит от устройства и браузера. Также практически всегда можно зайти на сайт издания, в котором опубликован номинированный текст (за исключением книг), и найти там его через функцию поиска

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

(перевод Романа Дубровкина)

Божественная комедия

Часть первая «Ад»

Песнь первая

Пройдя наполовину путь земной,
К холмистому я вышел бездорожью,
Угрюмый лес вздымался предо мной.

О нем любое слово будет ложью,
Одно скажу: ничто так не мертво,
И сердце до сих пор объято дрожью,

И я не рассказал бы ничего,
Но обрета в пути нелегком благо,
Не утаю скитанья моего.

Как очутился я на дне оврага,
Не ведаю — я был в каком-то сне,
Когда меня покинула отвага.

Я ночью заблудился в глубине
Нехоженого лога — пустошь эта
Зловещей показалась мне вдвойне.

На небо посмотрел я, где планета,
Нам указующая путь прямой,
Накинула на горы ризы света.

Стал затихать невольный трепет мой,
И замерли сердечные приливы,
Терзавшие меня безвидной тьмой.

Так задыхающийся, но счастливый
Пловец, взбирается на скользкий брег,
Оглядываясь вниз на вал бурливый.

Я осознал, что гибели избег,
И к пройденному обернулся логу:
Живые не бывали здесь вовек.

Я отдохнул и начал понемногу,
За шагом шаг, всходить по крутизне,
На склон опорную поставив ногу.

Как вдруг дорогу преградила мне
Стремительная рысь прыжком проворным,
Вся в пятнах на боках и на спине.

Карабкаться мешая к высям горным,
Рычала бестия, и я не раз
Вернуться думал по уступам черным.

Вставало солнце, лунный лик погас,
Заря венки созвездий золотила,
Прекрасный, как в первоначальный час,

Когда в движенье звезды и светила
Любовь божественная привела.
Надежду утро года возвратило.

Я верил, что не причинит мне зла
Великолепный зверь с пятнистой шкурой,
Как вдруг от рева дрогнула скала.

Стоял я в страхе с головой понурой:
За рысью лев возник на гребне скал,
Пространство сотрясая гривой бурой.

К вершине он меня не подпускал,
За львом волчица шла — живые мощи,
Знаком был смертному ее оскал.

По виду похотливой твари тощей,
По ярости, блеснувшей из-под век,
Прочел я, что подъем не станет проще.

Заплакал я, как плачет человек,
Когда приходит страшная минута,
И все, что он скопил за целый век,

Идет вдруг прахом! — Оборвался круто
Склон подо мной. Казалось, я погиб.
Умолкло солнце, тварь завывала люто.

Тут некто у подножья скальных глыб
Возник во мраке к моему смятенью,
От долгого молчанья он охрип.

По мерзкому шагал он запустенью,
И возопил я: «Сжался надо мной,
Будь смертным ты или бесплотной тенью!»

«Я человеком был, но в мир иной
Переселился. Ломбардинец родом,
Я в Риме жил, — ответил дух ночной, —

При Юлии и после год за годом
При добром Августе, когда жрецы
Кумиров завещали чтить народам.

Поэт, воспел я шрамы и рубцы
Энея, к нам приплывшего из Трои,
Где полыхали храмы и дворцы.

О если б ты покинул дно сырое
Ущелья и в нагорный сад проник,
Ты счастье в певческом обрел бы строе».

«Так ты Вергилий, ты живой родник, —
Изрек я робко, — ты разлив широкий,
Питающий страницы наших книг.

Из всех земных певцов твои уроки
Усвоил я, и не было ни дня,
Чтоб не твердил я сладостные строки.

Мой труд благословеньем осеня,
Учитель, ты оставил мне в наследство
Изящный слог, прославивший меня.

Найди же к моему спасенью средство,
Взгляни, волчица выгнулась дугой,
Звериного я трепещу соседства».

При виде слез моих мудрец благой
Сказал: «Не мешкай в этом месте диком,
К вершинам света путь ведет другой.

Не даст пройти тебе к желанным пикам
Волчица — задерет среди камней,
Ни плачем не пронять ее, ни криком.

Съестное распаляет голод в ней,
Прожорливого не набить ей брюха,
Она от съеденного голодней!

К любому зверю будет потаскуха
На случку бегать ночью — вновь, и вновь,
И лишь у Пса борзого хватит духа

Ей в горло впиться. Псу не прекословь!
Ему не злато станет пищей милой,
А добродетель, мудрость и любовь.

Италия его спасется силой.
Недаром пали Эвриал, и Нис,
И вождь рутулов с девственной Камиллой.

Волчицу будет гнать по склону вниз
Палач назад в могилу, в ад свирепый,
Откуда выход для нее прогрыз

Червь зависти, открыв наружу склепы.
Мой сын, вожатым буду я тебе,
Мы через вечные пройдем вертепы.

Ты крики душ на пыточном столбе
Услышишь — вопли грешников, зовущих
Вторую смерть в отчаянной мольбе.

Среди застенков разглядишь гнетущих
Тех, кто гореть в огне предвечном рад,
Прельстятся наградой в заповедных куцах.

Другая тень тебя в священный град
Введет — она моей достойней тени,
С тобой расстанусь я у крепких врат.

Запретны для мятежника ступени
К Тому, пред чьим лицом мы предстоим,
Верховных я не чтил установлений.

Он Царь всему — над городом Своим
Воссел Он властелином самовластным,
Стократ блаженны избранные Им».

Вскричал я: «В этом сумраке ужасном,
Боюсь, не доживу я до утра,
Пойдем же к обиталищам злосчастным

И через них к обителям Добра.
Во имя Бога, что тебе неведом,
Пророк, веди меня к вратам Петра!»

За тенью молча зашагал я следом.

Перевёл с итальянского языка
Роман Дубровкин

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/inostran/2020/12/bozhestvennaya-komediya-chast-pervaya-ad-pesn-pervaya.html>

АЛКЕЙ

(перевод Сергея Завьялова)

Р. Оху. XV, 1789 (1922).

2 fr. 2 <.....>

.....зло.....

<.....>

6 fr. 6

Одна за другой обрушиваются
волны — они нас обучат черпать
воду, когда корабль начнет.....

.....

.....

.....

.....скорей же обезопасим себя
и войдем в надежную гавань.

И пусть никого робкий страх.....
не одолеет; ясно, что.....

вспомните, как когда-то.....

теперь пусть каждый почувствует себя мужем.

Не посрамим.....
великих предков лежащих в земле.....
что.....

государство.....

.....отцов.....

.....наш дух.....

.....стремительно

.....

Но.....
.....
.....
.....

И мы.....
свой род.....
.....и деспотии
не допустим.....

Р. Оху. X, 1234 (1914).

68 fr. 1(1) <.....>

не ошибешься.....

не колеблясь, забить его отца камнями,
а деда.....
.....опозоренный.....
нечестивая тварь.....

69 fr. 1(2)

Зевс-отец, лидийцы, сострадав
нашим несчастьям, наделили нас
двумя тысячами статеров, чтобы мы смогли
войти в священный город;

и они не получили от нас никакой mzды,
они не были даже с нами знакомы. Этот же изворотливый
лис, посулив легкую добычу,
понадеялся скрыться

<.....>

70 fr. 2, col. I (1)

<.....>

.....сказать такое.....
а он играет на бармосе.....

в разгаре кутежа с безмозглыми
приятелями.....

И вот он сам, вошедший в свойство к Атридам,
будет обдирать город, как уже делал вместе с Мирсилом,
пока Арес не подвигнет нас взяться
за оружие. Наш гнев утолится только

когда мы пресечем жестокую распрю
и остановим междоусобицу, которую
возбудил олимпийский
бог, принеся народу бедствия,
а Фиттаку желанные почести.

71 fr. 2, col. I (2)

<.....>

Ты был мне, что называется милым дружком:
я угощал тебя то козленком, то поросенком, как это было принято

<.....>

72 fr. 2, col. II

<.....>

буйно.....
днем наливались несмешанным.....
а ночью буянили, брызгая опивками
такой был обычай.....

твой отец не забыл этих
привычек, когда будучи заводилой,
он ночами напролет не знал удержу,
так что дно бочки грохотало.

А ты, хоть и рожден своей матерью, заработал ли
славу, достойную свободнорожденного отпрыска
благородных родителей?

.....

73 fr. 3

<.....>

весь груз.....
 изо всех сил.....

волнами исхлестанный.....
он объявляет, что со стихией
 больше сражаться не в силах — лучше разбиться
 о подводный утес.

Пусть что угодно.....
(я?), забыв о возврате.....
 с вами собрался порадоваться,
 и вместе с Бикхидом.....

И так всю ночь.....

.....

 проявим.....

.....

75 fr. 6

.....благородных отпрысков.....
.....предвещая
 покрыли себя позором.....
 неотвратимо

я помню, когда еще был мальчишкой.....
.....усаживался рядом
 мне известно, что такое честь.....
 Пенфилидов.....

<.....>

Р. Оху. XXI, 2297 (1952).

207 fr. 4

<.....>

[ты зачерпнул вина войны]
.....никому не подвластному

.....
да сгинет

.....
.....Мы себя покажем
.....в сердце

<.....>

208 fr. 5

Непонятно, с какой стороны налетит шквал:
волна обрушивается то с той стороны,
то с этой, и нас швыряет
вместе с черным кораблем

сокрушительный шторм.
Трюм затоплен водой,
парус изорван
в лохмотья,

снасти растрепались.....

.....
.....
обеими ногами.....

.....держась за трос, и в этом единственное
спасение. Весь груз сброшен
в воду, в то время как.....

208 а fr. 6

<.....>

..... ОТВАЖИМСЯ.....
сейчас или никогда.....

.....
.....

<.....>

Перевёл Сергей Завьялов

Ссылка на текст: <http://www.vestnik-evropy.ru/upload/uf/2bd/2bd5e1dfd947da65168dd4ac3b472b7b.pdf>

КРИСТИНА БАНДУРИНА

(перевод Геннадия Каневского)

* * *

Первое лето, которое ты помнишь:
соломенные волосы, острые коленки,
половина тела ободрана —
так ты училась лазить по деревьям.
Черная мякоть вишен,
глубокие овраги и склоны,
дикая клубника, неспелые орехи,
застрявший на 14-м лифт.

«Выходи!» —
кричат друзья под балконом.
«Мам, я на улицу», —
летишь играть в прятки и в вышибалу
на весь день,
до темного-темного вечера.

Возвращаешься домой голодная, чумазая,
но счастливая.
Мама режет арбуз — сочный, ароматный,
пахнет на всю квартиру.
Липкие пальцы вытираешь о шорты
(да, ты еще носишь шорты).
Бабуля ворчит:
«Будешь стирать сама», —
развешивая над плитой
ползунки младшего внука.
У тебя уже есть брат.

Твое самое яркое лето:
зеленое покрывало
огромной мягкой кровати;
открытое в жаркую июльскую ночь
старое деревянное окно,

выкрашенное белым.
Чужой, еще незнакомый город.
Ни дома, ни работы, ни места,
где можно остановиться.
Все дороги открыты,
всех их одинаково боишься.

Бабули уже нет,
мама учится жить
после смерти мужа,
старые друзья стали чужими,
брату дали первый срок.

«Пошли гулять», — пишет девушка,
которая тебе страшно нравится, —
и для тебя ничего не существует, кроме нее.

Четвертый час утра.
Губы — как линии электропередачи.
Возвращаешься утомленная, переполненная, счастливая
и долго не можешь заснуть.

Твое самое тревожное лето:
воркование голубей на подоконнике,
запой соседа-мента,
антисептик и маски,
бутыли, бутылки, банки с водой,
очереди, подписи, петиции,
листовки, жалобы, тексты.

«Меня это не волнует», —
говорит мама за две сотни км
от места событий.
Брат со второй химии пишет
«Будь осторожна».
Младший закончил школу.

«Выходи!» — гудит интернет,
и ты отправляешь друзьям инструкции:
- если задержат;
- если посадят;
- если убьют.

Целуешь девушку, которую никогда бы
не отпускала,

и хочется лишь одного:
вернуться —
голодной, усталой, чумазой,
но счастливой —
и повторить еще раз.

08.08.2020 г.

Перевёл с белорусского языка
Геннадий Каневский

Ссылка на текст: <https://polutona.ru/?show=0812183820>

МААРЬЯ КАНГРО

(перевод Елены Скульской)

в сторону улья

вчера ты собрал свои вещи
и уехал
на арендованной машине
поскольку свою машину я тебе не дала
все-таки мне предстояло отправиться
за семь с половиной километров
в мустамяэ
на дежурство в детскую больницу
теперь я должна была сделать письменную работу
поставила греться чайник
включила радио
начался всеобщий певческий праздник
вечернее солнце светило в окно
пошла в ванную
начала мастурбировать
дверь осталась приоткрытой
объединенные хоры пели
она летит в сторону улья
когда раздались аплодисменты
крики публики и хористов
я достигла оргазма
«нет ничего» сказано
в «книге у изголовья»
сэй-сёнагон
наверное кто-то послал
рассказчице
эту записку
и она заметила — зимними
именно зимними ночами
звучат эти слова
несколько по-иному
у меня не было даже такого письма
ничего не было
объединенные хоры продолжили

залила кипятком горсть чая earl grey
и выключила радио

Перевела с эстонского языка
Елена Скульская

Источник: Райд Ю-К., Кангро М., Каус Я. Я — твоё стихотворение. Перевод с эстонского Елены Скульской. — Таллинн: Kite, 2020.

КЛАБУНД

(перевод Антона Чёрного)

Иов

Нет горестей, что он не перенёс,
Не счесть его настигнувших болезней.
И колос его сгнил, едва подрос,
И чёлн его разбился о торос,
И сладких слёз не видел он полезней.

И дом сгорел. И мать, что к чужаку
Попала в плен для пущего позора.
И сын, что удавился на суку.
И брат, что к лиходейскому кружку
Пристал, стада угнав в обличье вора.

И горечь подслащавшая — она,
Жена, дитя граната и эбена,
Своим же сыном в спину пронзена,
Молившая предателю сполна
Отмстить — угасла взором постепенно.

Но им не овладели злость и гнев.
Настолько боль его перепахала,
Что слёзный ток иссяк, окаменев,
И только благочестия напев
Он к жизни этой обращал устало.

О Господи, деяний отрешая,
Круши меня, как мраморный рельеф.
Да не прейдёт стезя Твоя прямая,
Моей ничтожной жалобе внимая.
Ты — Сеятель, а я лишь твой посев.

И молниями ослепи мне очи,
И плоть мою ослабь, и дух смути,
И пальцы отними; чем Ты жесточе,

Тебя тем больше славлю — что есть мочи,
И гневу не найти во мне пути.

Что свет весны познал я при восходе,
Что матери вкусил домашний хлеб,
Что юношей кружился в хороводе,
Что мыслью утешался на свободе —
Се счастье, которым я окреп.

За первое объятие подруги,
За первый луч, мне осветивший путь,
За милость, в коей нет моей заслуги,
За все мои дары и все недуги —
За всё, Господь, вовеки славен будь!

Перевёл с немецкого языка
Антон Чёрный

Ссылка на текст: <https://antonus.livejournal.com/164989.html>

МАРИЯ АНТОНИЯ МАССАНЕТ

(перевод Анны Орлицкой)

* * *

словно бушующие потоки жизни.
Так можно назвать твои руки,
погруженные теперь в море старости,
когда ты наблюдаешь за мной, мать моей матери,
из-под складок век.
Всякая твоя ласка —
сама нежность, как и прежде, сама любовь —
играючи останавливает
ускользающую руку.
Как мимолетны были годы,
что возвращаются к тебе теперь все разом,
наслаиваясь, нетерпеливо, переполняют
каждый момент настоящего,
будят желания и разжигают страсти
в тяжелом сухом теле.
Что знают дети, внуки
о старческом теле?
На похоронах наше тело
становится осязаемым саркофагом —
когда рождаемся и умираем,
мы в наибольшей степени телесны —
карта морщин на коже
напоминает нам
об опухших щиколотках
и беззубой улыбке

Перевела с каталанского языка
Анна Орлицкая

Ссылка на текст: <http://articulationproject.net/9277>

ПОЛ МОНЕТТ

(перевод Дмитрия Кузьмина)

Гардении

боль не цветок боль это корень и её работа
подземная там тление приникло к костям
всей нашей радости подлежавшей ветру
и дождю там ничего не растёт и любовь всей жизни
мечтавшая быть садом полным плодов обречена
лежать луковицей тайной горечью в шахте боли
выработанною рудой нет ничего кроме этих туннелей
пробитых корнями но мы-то и не были садовниками
только сеятелями поливальщиками уборщиками скорее
дворовыми пацанами три бакса в час чем королевами роз
но это место всё же было для нас долиной Аркадии
и к тому же тут можно посадить хоть камень
и он прорастёт но гардении эти цветы Билли Холидэй
веленевые для выпускного кто бы мог подумать что они
растут на деревьях ну хорошо на кустах и мы
посадили один в тени мелколистного вяза
поливали и поливали с мая до середины августа
теперь трепещут белые лепестки и однажды ты
принёс один в дом и пустил плавать в чашке
на моём столе от таких малых знаков мир делался
зеленее и песня Билли Холидэй такая была я ревную
ко всему тому времени когда я тебя не знал ещё
и весь месяц после заполненный обжигающей
смехотворной пустотой я ещё больше жажду этого
дважды прошлого из вторых рук нет на здоровье
оставь себе бывших возлюбленных и дальние страны
но сам юный ты двадцатилетний ты ты в Париже
со стихами за голенищем вот бы мне это вправду
быть там с тобой рядом или махать рукой с другой
стороны бульвара Сен-Жермен я бы тогда встречал
эти мёртвые дни и подземная камера оставшегося
была бы длиннее и довольно теперь гардении такое
клише но одна ухитрилась расцвести в октябре и тогда

уже я приносил их в дом к твоей постели и ставил
между влажными салфетками и говорящими часами
Нюхай хорошенько Родж эта последняя на четвёртый
день пожелтела обуглилась но всё же напоследок
я сунул её тебе прямо под нос ещё раз вдохнуть
когда ты разговаривал с Джейми а через неделю
ты умер и на следующий день я вышел в сад
чтобы там умереть от боли но что это здесь
гардения сорт Томас Харди как раз собирается
распуститься и я положил её в чашку поставил себе
у кровати я теперь сплю там где ты раньше спал
свернувшись на том же месте и эта продержалась
неделю похорон а на следующей проклюнулась третья
что это было «Сумеречная зона» которую я положил
тебе на могилу словно я был твоей парой на выпускной
а я бы и был если бы нам было по восемнадцать
но несмотря на весь пыл этих трёх гардений
всё равно боль не цветок и она врезается как
лопата в каменистую почву никакого житейского смысла
ничего не выйдет из этого кроме отвалов пустой земли
и ямы и самого глубокого корня ведьмино сырьё
отравляет ветра и оббивается кончиком вокруг моего сердца
я обещаю тебе все эти последние гардении Родж
но они не могут так дальше они уже перестали они знают
единственный сад где мы были это мы сами и в нём
настала зима они пытались пытались но вот уже лёд
из моих пустых рук несчастные картофельные мечты

Перевёл с английского языка
Дмитрий Кузьмин

Ссылка на текст: <https://greza.space/odnoj-krovi-pol-monett/>

ВАЛЬЖИНА МОРТ

(перевод Галины Рымбу)

Песня для девичьего голоса и зубра

I.

В Риме зима.

С тополей,
словно с Марсия,
снята кожа.

Раек реки
окружает
 слепую пьяццу.
Тоска и Травиата

пьют кислый кофе
через дольку яблока,
 вырезанную с их лиц.

Они — близнецы,

спасенные кухонным столом,
вскормленные гусиной кожей апельсинов.

Их ступни бьются об пол,
 как рыбы об лед;
головы звенят.

 Звон желудка. Звонящий
зверь,
с твоей головой, читатель, на теле
моего сна.

*

В 1521 году во время боя быков в Колизее Микола Гусовский вслух отметил, что это зрелище напоминает ему облаву на зубра — дикого и самого крупного в своем роде бизона, живущего в Беловежском лесу, где и сам Гусовский родился в семье язычников-литвинов.

Услышав это, папа Лев X велел Гусовскому представить — в поэтической форме — детальное описание языческой охоты на восточного зверя.

*

Ты мелешь ересь, Микола. И зубр рысцой
впивается в ельник,
словно зубная боль.

Хватит переводить копья, Микола.
Переведи дух.

Микола,
среди кипарисов и храмов,
по холмам разбежавшихся
на паучьих ногах-колоннадах,
как ты мог,

Микола, над Колизея ареной,
где бычьи глаза сверкают,
как фотовспышки,

из всего несметного зверья
вспомнить
одного — из наших
беларуских лесов —

дикого, как пепел;
вены его — толщиной с руку,
легкие — две каменные скрижали.

*

Зубр смотрит
прямо в глаза Медузе
нашего будущего.

*

На земле,
где все болезни лечат ходьбою,
зубр
выходит из леса, чтобы убить
свое одиночество.

Лесной ангел истории,
зубр меланхолии,
черный зуб.

*

Была я в Риме:

уж лучше меж ребер зверя,
чем среди белокаменных
вен, что качают
каменную кровь
в мускулы-камни.

Как мог ты, сын лесника,
Микола,
в Риме,
среди гранатов и кипарисов,
среди хурмы и тополей с их снятой,
как с Марсия, кожей,
Микола

из леса, откуда уехать могут
только сосны —
насмоленные медом и воском,
сосны плывут, как диковинные рыбины,
в порты,
где из них, лишенных корней и памяти,
строят
корабли, что океан
переходят, как
улицу.

*

Микола,

нащупай под мыском
деревянного борта
жвачку Медеи.

*

Из леса, где люди поклоняются солнцу,
гениталиям и красной нитке в белом льне,
наши диковинные рыбины везут диковинный груз.

Микола, одной правды, одного Бога

(как может
женщина с тринадцатью детьми
молиться одному
Богу?)

Римский папа с хищным именем
и привычками
заказывает тебе: поймай
в капкан слов
этого зверя,

чьи легкие — два могильных камня,

слева, над ними —
сердце, как забытая шапка,

шапка красного снега.

*

Что тяжелее, чем зубр?
Взгляд зубра.

Деревья стоят, обвитые гирляндами
внутренностей.

Наши внутренности — колтун девичьих волос.
Карта наших лесов — колтун девичьих волос.

*

Зубр порядочности,
зубр укропа и пота,
зубр маленьких стран,
зубр насилия и лопуха,
зубр отсутствия доказательств,
зубр компромиссов и достоинства,
зубр с именем для безымянных людей,
зубр пленных, зубр раннего снега,
зубр опечаток, зубр ячменя и мела,
зубр Цезаря, цезия, зубр,
чье имя можно выдохнуть в датчик,
чтобы проверить уровень страха в крови.

Зубр самосуда, зубр разбитой
посуды, зубр завядших мальв
за домами, пустыми,
как желудки
на рассвете столетья.

Зубр, забытый Адамом,
зубр, помещенный в папку «без названия».
Люди — опечатки, подчеркнутые красной ниткой,
помещенные в папку «без названия»
в глубокой картотеке микрорайонов.

*

Ноябрь. У зубров — любовь.
Пуща дрожит,
как будто бы кто-то
медленно проводит по ней
невидимым смычком
света.

*

Ноябрь, зуброликий.

II.

В Риме у меня появилась традиция — носить книги, написанные на моем языке авторами, про которых на Западе никто не слышал, в бассейн фитнес-центра. Запотевшая итальянская плитка, музейная тишина, и европейская (почти) оголенная фигура стоит, идет, готовится прыгнуть в неоновую голубую воду.

В помещении, где женщины, как единый заводной механизм, одевались и раздевались, я открывала эти книги, выставляя напоказ алфавит моего языка, гусиную кожу его чрезвычайных, неестественных знаков.

Пот и хлорка, хруст еды в заложенных ушах... Раздевалка была утробой. Вирусы размножались в теплом, влажном воздухе. Мои странные буквы — хромосомы.

*

Радиация неизвестного языка.

*

Однажды на темной, дождливой улице по дороге в бассейн, наткнувшись на большую кучу листьев, я разбередила ее своим ботинком. Раненая ворона вышла из-под листьев, большая, тяжелогрудая, с мертвым крылом, свисающим, как завядший капустный лист.

«Ты разбередила меня», — сказала она, зуброликакая, и пошла, хромая, под колеса машин.

Чтобы изменить ход мысли — сломай птице крыло.
Я сломала птице крыло.

Чтобы исправить ошибку в имени — выколи птице глаз.

*

Я разбередила тебя, мое зуброподобное сердце.
На перекрестке между голосовыми связками
и узниками исторических хроник
трясется трясанский зубр.
Совсем близко — зубр звенит.
Совсем близко — зубр поет голосами убитых.

Своего зубра ношу с собой. Отсутствие
объяснений — моя живучесть.
Отсутствие моей крови в ваших учебниках —
причина, по которой туман ложится на землю
немым протестом.

Туман — это зубр истории.

*

Где бы я ни приземлилась, баланс границ нарушается.
Что-то в моей крови опускается на вашу землю, словно камень
в полный стакан воды.
Я приехала, и сразу же — границы разливаются.

«Причина визита?» «Волосатая история, сэр»
«Причина визита?» «Доставка учебников для голодного зубра»
«Причина визита?» «Закрытие сельпо истории»
«Род занятий?» «Отсутствие в газетных хрониках»
«Род занятий?» «Называть каждую вещь колтуном девичьих
ВОЛОС»

«Ваши вещи?» «Да»
«Что там?»
Звон.

*

Через проволоку — с того света —
Микола
протягивает мне
горстку земляники.

Это сон. Он такой сытый.
Наш общий дом — утроба на
оледенелом кусте.

*

Чтобы распутать волосы — распутай туман.
Чтобы распутать туман — выпусти реку разлиться на пьядце.
Чтобы выпустить реку — перережь горло зубру,

смотри, как разливается кровь.

Но что нам кровь,
если кровь —

это

колтун
девичьих волос.

Перевела с белорусского языка
Галина Рымбу

Ссылка на текст: <https://www.colta.ru/articles/literature/25225-valzhina-mort-stihi-tsentrifuga-perevod-galina-rymbu>

АРТЮР РЕМБО

(перевод Игоря Булатовского)

* * *

Что́ нам, сердце мое, эти холстины крови
и углей, тьма преступлений и долгий вопль
ярости, всхлип всего ада, низлогшего
все порядки; и ветерок на обломках;

и всё мщенье? Ничто!.. Но ведь и всё, да ведь?
Мы во́лим этого! Правители, заправили,
сгиньте! Власти, суды, история — долой!
Наше право! Кровь! Кровь! Золотое пламя!

Всё на войну, на мщенье, ужас и террор,
мой разум! Станем потравой: о, прейдите
республики всего света! Президенты,
армии, генералы, народы — харé!

Кто заворошит вихри лютого огня,
кроме нас и наших выдуманных собратьев?
К нам, романтики, вам понравится с нами —
хватит гнуть горбы, гори оно всё огнем!

Европа, Азия, Америка — провалитесь!
Наш отмстительный марш, оккупай-всё-и-вся,
площади и парки. Пусть нас по ним размажут —
подпрыгнут вулканы и вдарит океан...

Друзья мои! Сердце мое, это же друзья —
черные, неведомые, ведите нас!..
Беда! Дрожит и смыкается ветхая земля
надо мной, всё больше смыкающемся с вами...

Но ничего, я здесь, я всё еще здесь.

Перевёл с французского языка
Игорь Булатовский

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/1038315207/posts/10221414750971727/?d=n>

ЛУИДЖИ СОЧЧИ

(перевод Анастасии Строкиной)

Из дверного глазка

Есть еще кое-что, для чего мне нужны глаза:
разглядывать тени
с внутренней стороны стекла:
тени — без имени и числа.

Сквозь это отверстие
днем, ночью
я наблюдал свидетелей Иеговы, уборщиц,
то, как наводят порчу,
наблюдал за коммунальщиками;

За наркоманом — бывшим, а, к слову, ни разу не бывшим,
я должен ему в высшем
смысле прекрасный набор столовых губок,
источающих рыбный душок.
Выйдет — не выйдет? —
подглядываю за ним в глазок.

И черная, как зрачок,
искра
пронзает пространство снаружи.

Но представьте, что вы из дома
наблюдаете за дрожащей знакомо
спиной — серая тень у лестницы —
невесомая,
качается, исчезает в стеклянном шаре —
вроде тех, где внутри Венеция, замок в Ферраре,
Собор Святого Петра, Рим —
с воздухом без воздуха, жирным, вязким, густым.

Он повис на перилах —
неспешный, вечнобезличный,

никакого дела ему до стертой таблички
с фамилией на двери.

Сувенир, лишенный
снега и памяти,
от меня — на вытянутой ладони,
этого расстояния нет иллюзорней.

Навсегда потерянный,
бродит туда-обратно,
приходит — будто уходит: куда ему
без виз, без пропуска, ненароком,
безудержно, неприкаянно,
опаздывая ко всем
непредсказуемым срокам.

Взаперти, в укрытии
смотрю на него в упор до неприличия
из своей безопасности,
из-за стены кирпичной.

Но представьте,
как сжимается перспектива
перед чем-то, что будто в твоей руке,
но представьте
конденсат на дверном глазке.

Перевела с итальянского языка
Анастасия Строкина

Ссылка на текст: <http://articulationproject.net/7336>

СТИВИ СМИТ

(перевод Марии Степановой)

*

Я та самая Персефона,
Что играла с друзьями во время оно
Под охраной общества и закона.

Хорошо или плохо нам было, не знаю.
Говорят, я теперь иная,
Была хорошая, стала дурная.

Странно ли, нет ли, что в сердце мая,
В гладкокрашенный полдень, все понимая,
Зимней бури цветок сорвала сама я?

И тут лопнуло небо, в дыму посевы,
Где мама, где папа? справа и слева
Мгла; под землёй сказали — я теперь королева.

Солнце затмилось, как на иконе.
Я не кричала, не было и погони:
Только темный король и чёрные кони.

Не об отце, что этими вот руками
Правит снопами пшеницы и солнечными мудаками,
Я вспоминаю здесь, на снегу и камне.

Но мама, я так любила тебя и бросила,
Оставила, навек опростоволосила,
Горечью напоила до зела.

Не рыдай меня мама,
О забудь меня мама,
О позволь мне остаться, мама.

А она все ищет меня по свету,
Кличет дочку, которой нету,
Персефона, о где ты, где ты.

Я в своей новой земле, в зимней школе,
Град, снег, голоть, дух бурен, дух боли,
Пальцы горят, говорят: не увидишь боле.

Угадает ли, знает ли мой муж, мой король,
Сколько мне радости
От этой зимности?

Перевела с английского языка
Мария Степанова

Источник: *Степанова М.* За Стиви Смит. — М.: Новое издательство, 2020

ЮЛЯ ТИМОФЕЕВА

(перевод Ии Кивы)

Моя родина

Мы все думали, что ты женщина,
голубоглазая, светловолосая, дающая жизнь,
что ты всех прощаешь
и всё терпишь.

Мы думали, ты чуть ли не Богородица
и родила, похоже, народ богоизбранный.

Приехала, горемычная, из дремучего села,
в полотняном узелке привезла
свой самодельный, из дерева вырезанный,
как кукла, слишком грубый для городского
уха язык.

Ты страдала тут, никто не считался
с тобой, никто не слушал. От тебя,
отверженной, даже собственные дети
воротили свои чистенькие личики. А ты
всё переносила, стиснув зубы.
Бедная ты, бедная.

Но мы не заметили,
глаза вперив в стихи,
о тебе написанные,
как ты ощерилась,
как ты надела штаны цвета хаки,
как ты натянула на свой бритый череп
чёрный шлем, как дорисовала себе усы.
Как ты взяла дрючок,
Словно отрастила стручок.

И теперь размахиваешь им у нас перед глазами,
чтобы никто не усомнился, что ты изменила
гендерную идентичность.

Чтобы все знали, что ты держишься
за свои традиционные ценности:
бить, громить, презирать, рожать
убивать, забывать, ломать, воздвигать
из железобетона огромную стену,
чтобы спрятать за ней наше тёмное прошлое,
чтобы отгородить нас
от нашего тёмного будущего.

Ты бросила нас всех на чашу весов,
а на другую чашу уселась сама
в сияющей амуниции
с водомётами и бронетранспортёрами,
с танками, самолётами, огнемётами,
военными комбайнами
и тракторами-убийцами.

Так устанавливается стабильность.
Так удерживается равновесие.
Бедные мы, бедные.

Но

Не воняют ли твои ноги в высоких берцах?
Не зудит ли твой бритый череп под каской?
Не чихаешь ли ты от пыли, разглядывая нас
в окошко танка?
Не боишься ли, что смерть всё равно придёт
тебя раздеть?

Перевела с белорусского языка
Ия Кива

Ссылка на текст: <https://polutona.ru/?show=0820165011>

ЮЛИАН ТУВИМ

(перевод Игоря Белова)

Паровоз

Стоит паровоз на перроне, вздыхая,
от пота блестит его туша стальная,
и масло стекает ручьями,
а он лишь поводит плечами.
Стоит и сопит, собирается с духом,
и ухаает глухо
горячее брюхо:
Ух — очень жарко!
Чух — очень жарко!
Пуфф — очень жарко!
Уфф — очень жарко!
Полегче,
полегче —
дышать уже нечем,
но уголь в него кочегар так и мечет.
А тут и вагонов к нему подогнали —
тяжелых, больших, из железа и стали.
Но что там за толпы в каждом вагоне?
В первом — коровы,
в соседнем — кони,
а в третьем одни толстяки сидят,
жуют колбасу,
ветчину,
сервелат.
В четвертом стоит огромная пушка
и ждет, не начнется ли заварушка.
В пятом вагоне везут бананы,
в шестом — африканские барабаны,
и занимают седьмой вагон
два носорога,
жираф
и слон.
А рядом, из окон восьмого вагона

доносится сладкая трель саксофона,
и слышно ее тремстам пороссятам,
которые едут в вагоне девятом.
Вот пару роялей и контрабас
в десятый вагон погрузили сейчас.
Но вам я, друзья,
сообщу для порядка,
что этих вагонов — четыре десятка,
и трудно сказать,
зная их габариты,
чем остальные вагоны набиты.
И если б явились три сотни атлетов,
и каждый атлет
съел по сотне котлет,
то даже атлеты,
напрягшись при этом,
такую громаду не сдвинули б, нет!
Вдруг — свист!
Вдруг — визг!
Пар — бууух!
Едем — ууух!

Сначала,
как в гору,
с трудом, понемногу
машина, пыхтя, покатила в дорогу,
по рельсам ползет, от натуги краснея.
Но крутит колесами все веселее!
Мелькая,
стальная
летит вереница,
гудит паровоз,
сломя голову, мчится,
со скоростью звука вагоны везет.
Куда же?
Куда же?
Куда же?
Вперед!
Минуть со свистом —
аж стонет земля —
мосты и тоннели, леса и поля,
спешит, задыхаясь, железная гряда,
чтоб быть на вокзале минута в минуту,
почти уже путает выдох и вдох:
ту-дух,

тиби-дох,
тиби-дох,
тиби-дох!
Будто бы шар по бильярдному полю,
катит состав, не набегавшись вволю,
будто игрушечный он, не иначе,
будто бы это не поезд, а мячик.

Но кто же, но кто, напрягая все жилы,
торопит и гонит его, что есть силы,
шипя и бу-бухая с пылу да с жару?
Это заслуга горячего пара!
Пар из котла поступает по трубам,
поршнями двигает мощно и грубо,
а те под нажимом колеса толкают,
толкают —
работа у поршней такая!
И словно вовеки не зная износа,
вращаются в бешеном темпе колеса,
грохочут, стучат, надрываются в такт:
вот так-то,
вот так-то,
вот так-то,
вот так!

**Перевод с польского языка
Игоря Белова**

Ссылка на текст: <http://gulliverus.ru/belov-19.html>

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

(перевод Аркадия Штыпеля)

Сонет 66.

Забвенья, смерть! забвения — кричу:
Здесь нищего не пустят на порог,
Здесь верность — на потеху палачу,
Здесь серость — благоденствия залог,
Здесь слава и почет злаченым лбам,
Здесь чистоту загубят ни за грош,
Здесь доблесть у позорного столба,
Здесь немощью в колодки вбита мощь,
Здесь вдохновенью опечатан рот,
Здесь неуч держит мастера в узде,
Здесь правда слабоумием слывет,
Здесь злоба присосалась к доброте...
Вот мир! Его б я бросил, не скорбя.
Но на кого оставлю я — тебя?

Перевёл с английского языка
Аркадий Штыпель

Источник: *Шекспир У.* Сонеты. Пер. Аркадия Штыпеля. — М: Карьера Пресс, 2020.